

DOI:10.17308/978-5-9273-3693-7-2023-147-150

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ШИРОКО РАСПРОСТРАНЕННЫХ ОБЪЕКТОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ (НА ПРИМЕРЕ КУРГАНОВ В АГРОЛАНДШАФТАХ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

THE CURRENT STATUS OF WIDELY DIFFERENT OBJECTS OF ARCHAEOLOGICAL HERITAGE
(BY THE EXAMPLE OF MOUNDS IN AGRICULTURAL LANDSCAPES
OF THE BELGOROD REGION)

Лисецкий Ф.Н., Буринчик А.С., Полетаев А.О.
Lisetskii F.N., Burinchik A.S., Poletaev A.O.

e-mail: liset@bsu.edu.ru

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Аннотация. В контексте высоких темпов утраты и антропогенной трансформации курганов определена их естественно-научная значимость. Показано распределение поставленных на учет курганов по пяти физико-географическим районам Белгородской области.

Abstract. The natural-scientific significance of kurgans is determined in the context of high rates of their loss and anthropogenic transformation. The distribution of registered mounds in five physical-geographical regions of the Belgorod Oblast was shown.

Ключевые слова: курганы, агроландшафты, охрана археологического наследия.

Keywords: kurgans, agricultural landscapes, protection of archaeological heritage.

Исходная информация об объектах и территориях археологического наследия (*raw data* – «сырые данные»), которая чаще хранится в полевых дневниках исследователей или в отчетах специализированных архивов, в последнее время становится более доступной, благодаря использования репозитариев, как, например, для курганов [5, 12, 15] или базы данных региональной системы археологических памятников [11]. При подготовке БД используются методы историко-картографического и ГИС-анализа, дистанционного зондирования Земли. Это, наряду с данными об объектах, поставленных на учет, расширяет возможности территориального анализа распространения памятников археологии с регистрацией утраченных и выявлением относящихся к категории угрожаемых. Разновременные археологические памятники, особенно такие многочисленные как курганы, плотность которых в отдельных регионах степной зоны колеблется от 60 до 170 ед. на 100 км² [7], являются органичными компонентами староосвоенных ландшафтов, но на землях сельскохозяйственного назначения воспринимаются как помехи хозяйственной деятельности и потому количество курганов стремительно сокращается, а на сохранившихся трансформируется почвенно-растительный покров. Сравнительный анализ разновременных картографических источников [3] показал, что многие из отмеченных курганов на картах-верстовках (1846-1863 гг.), картах М 1:100 000 (1939–1943 гг.), картах 80-х – 90-х гг. XX в. к настоящему времени не фиксируются. Результатами многолетних исследований в степной зоне Волгоградской области установлено, что значительное количество объектов историко-культурного наследия (курганы, древние населённые пункты и т.п.) не имеют охранного статуса или лишены своего природного окружения [9]. Из-за временной удаленности древних могильников от духовного мира современных людей по сути утрачивается ощущение сакральности этих территорий, и они уже не воспринимаются как часть сакрального ландшафта. Этим объясняется определение одной из причин процесса ускоренной деградации и уничтожения историко-культурного наследия как социальной амнезии [6]. Но озабоченность сложившейся ситуацией можно рассматривать шире задач охраны историко-культурного наследия. В последнее время развитие междисциплинарных геоархеологических исследований стимулировало понимание того, что уже созданы предпосылки для конвергенции подходов к охране историко-культурного наследия, с одной стороны, и биологического и ландшафтного разнообразия, с другой стороны [7]. Курган, будучи объектом археологического наследия, является геосистемой с тремя основными фациями (куполовидная вершина, склоны разной экспозиции, ров), а при хорошей степени сохранности также объектом естественно-научного изучения разнообразными методами геоархеологии [7]. В таком состоянии он включает такие подсистемы, как почвенно-растительный покров в климатических координатах определённого возраста; погребенный почвенный покров в периферийных зонах земляной насыпи или каменной укладки, а в некоторых случаях также артефакты природного генезиса в структуре погребального обряда (минералы, остатки флоры и фауны (кости, древесина, раковины моллюсков и др.)). Ненарушенные курганы в их природном окружении представляют собой уникальные натурные модели многих почвообразовательных и ландшафтоформирующих процессов с возможной фиксацией их нуль-момента. К зональному эталону растительности наиболее близки привершинные зоны курганов. Как показали учёты на 26 курганах, возраст которых превышает 2000 лет [13], вершины курганов включают порядка 48% видов растений от общего их количество во всех местообитаниях окружающих ландшафтов (305). Наиболее выдающиеся – «царские курганы», высота которых может достигать 16–19 м, имеют в пределах склоновой подсистемы ландшафтные

микрзоны (микроместообитания) с вертикальной дифференциацией почв и растительности. Для различных областей естественных наук высокий информационный потенциал содержит: почвенно-растительный покров курганов с датированным нуль-моментом; древняя дневная поверхность и сформированные на ней почвы, перекрытые телом насыпи; сама земляная насыпь тех курганов, которые были сложены дерновинными блоками (*sod blocks*), содержащая биоморфы; часть артефактов погребений, как, например, бревна перекрытий погребальных камер (потенциальные объекты дендроклиматических реконструкций), ритуальная пища и т.п.

Предполагается [4, с. 4], что на территории Белгородской области, начиная с эпохи позднего энеолита (1-я четверть III тысячелетия до н. э.) и до середины XIII в. н. э., было сооружено около 3000 курганов (с учетом насыпей, уничтоженных до середины 1950-х гг. в основном в пределах степной зоны). В таком виде археологических памятников как курганы преобладают курганные могильники, помимо которых регистрируются одиночные курганы и некурганные могильники.

Во второй половине голоцена как повторяющиеся периоды аридизации климата, так и антропогенное сведение лесов, способствовали появлению новых ландшафтных ниш для распространения курганов. На территории лесостепной зоны «мятниковобразный» (по Ф.Н. Милькову) ход динамики ландшафтов, а особенно частая смена их биотических компонентов, сенсорных к климатическим изменениям, определили своеобразную географию распространения курганов. Примечательно, что по современным оценкам из 2450 курганов, известных в Белгородской области, 9% насыпей находится в лесных условиях, а 26% «лесных» курганов от общего количества этого типа (213) расположены в ареале увлажнения > 620 мм в год [10, с. 176]. При том, что в 1780-е гг. целинные степи занимали 22% современной площади области, а леса – 16% [10].

Нами распределение объектов археологического наследия по территории Белгородской области было первоначально дифференцировано в границах физико-географических районов [8]: три района в подзоне типичной лесостепи (Суджанский, Осоло-Донецкий, Придонской меловой) и Калитвинский район в подзоне южной лесостепи. Но с учетом более поздних разработок по региональной географии [2, с. 56] использована более детальная схема районирования, которая включает пять районов: Ворсклинский (1), Осоло-Северскодонецкий (2), Потуданско-Тихососенский (3) (в подзоне типичной лесостепи); Калитвинско-Ураевский (4) (в подзоне южной лесостепи); Айдарский (5) (в степной зоне). Указанные номера районов использованы на диаграмме распределения археологических памятников (рис.).

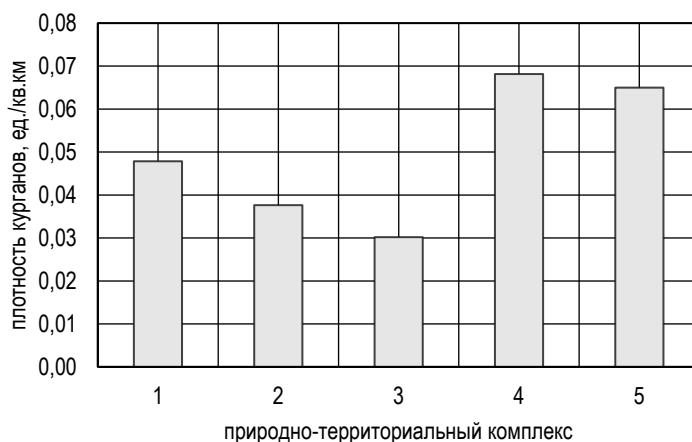

Рис. Распределение показателя плотности курганов (P , ед./кв. км) по физико-географическим районам Белгородской области. (№№ ПТК указаны в тексте).

По данным Управления государственной охраны объектов культурного наследия Белгородской области, при общем количестве памятников, зарегистрированных как курганы/ курганные группы, и поставленных на учет, – 1188 ед., их средняя плотность на территории области составляет 0,04 ед./кв. км, что значительно меньше плотности распространения курганов до начала интенсивного освоения региона – 0,11 ед./кв. км. На Белгородчине наибольшая плотность курганов отмечается в границах степной зоны и в экотоне, где степь соприкасается с южной лесостепью. Суммарно для южно-лесостепного Калитвинско-Ураевского и степного Айдарского районов плотность курганов/ курганных групп достигает 0,067 ед./кв. км.

У кочевых народов, помимо сакральных могильников в различных элементах ландшафта, одиночные курганы служили ориентирами и их часто размещали на возвышенных, платообразных местах, которые впоследствии перво-наперво становились пашней. В Белгородской области при доле сельскохозяйственных угодий от 79 до 72% (1990-2004 гг.) и доле пахотных земель 61-60% часть курганов утрачена, а высота многих оставшихся нивелирована до 0,5–2 м. Прогноз, который был сделан в 1993 г. для территории Белгородской области: «Если бесконтрольная распашка и снос курганов при строи-

тельных работах будут продолжаться, то за каких-нибудь 50 лет, а то и раньше, этот вид археологических памятников почти полностью исчезнет» [4, с. 4], к сожалению, оказался пророческим. Как показали недавние оценки по картографическим материалам XIX в. и архивным снимкам из *Google Earth* [14] на полигоне в Белгородской области, в границах которого ранее насчитывалось 119 курганов, сохранилось к настоящему времени только 20%; причем преобладающая часть исчезнувших курганов (91%) располагалась на пашне, но именно здесь встречаются все нетронутые курганы. При этом следует сделать оговорку, что те археологи, которые проводили полевую верификацию объектов, обозначенных военными топографами значками курганов на картах XIX века, в личных сообщениях отмечали необходимость проявлять осторожность из-за ложной атрибуции как курганов памятников жилого характера, находившиеся в древних селитебных, а не в сакрально-ритуальных зонах, а также разновременных руин землянок татарских селений в южной степи.

Типичным примером, иллюстрирующим утрату естественно-научной значимости курганов, является памятник, расположенный к югу от села Грузское в Борисовском районе Белгородской области (50°28' с. ш.; 35°59' в. д.). Это курган, который при относительной высоте 4 м имеет диаметр около 30 м. Состояние растительного покрова кургана и его сохранность сравнивали путем полевого обследования в июне 2008 г. и в июле 2021 г. В 2008 г. от подножия кургана до границы пашни оставалась полоса отчуждения шириной 2 м. В этой зоне доминировала злаковая растительность (*Avena fatua*) с общим проективным покрытием 60%. Вершина кургана имеет антропогенные нарушения почвенно-растительного покрова, так как на его вершине находился пункт триангуляции, столбы от которого оставались в 2008 г. Состав флоры на вершине кургана – два вида злаков со средней высотой 85 см (по *Elytrigia repens*) и четыре вида разнотравья; на склонах насчитывалось 8 видов высших растений (два вида злаков со средней высотой 71 см (по *Elytrigia repens*), один вид мотыльковых и разнотравье). В 2021 г. пашня вплотную примыкала к склонам кургана и поэтому флора на нем большей частью была сорная: 17 видов травянистых растений, из которых по два вида злаков (*Elytrigia repens*, *Avena fatua*) и мотыльковых, остальные виды представляли разнотравье, а также один вид кустарников (*Sambucus racemosa*). Для курганов в агроландшафтах лесостепи такая растительность, рудеральная по своему составу, довольно типична, в отличие от изученных в степной зоне курганов, окруженных природными экосистемами. Так, по результатам многолетних исследований наиболее типичных в флористическом отношении курганов (высотой более 4 м при наличии видов рода *Stipa*) установлены сходные пропорции видов растений на курганах и в границах заповедных территорий: по степным видам – 56 и 46-60 %, по несинантропным – 39 и 39-48 %, по раритетным – 5 и 6 % соответственно [13].

Оценки темпов уничтожения земляных насыпей древних могильников и их антропогенной трансформации показывают неэффективность мер по охране памятников археологии, находящихся в агроландшафтах Белгородской области, хотя такая задача была закреплена на законодательном уровне с 1978 года.

При рассмотрении информационного потенциала курганов как объектов естественно-научного интереса можно определить следующие основные предметы изучения: горизонтальные хроноряды дневных и погребенных почв; диагностика почв древности, которые не имеют аналогов в педосфере современности; натурные модели-хроносери для изучения фундаментальных экологических феноменов и их эволюции (рефугиумы, изоляты, экониши и др.); растительность курганов, которые в ландшафтной структуре могут выступать в качестве местообитаний-источников (*source habitat*), банком для решения реставрационно-экологических задач, к примеру, для создания вторичных степей на залежах; ландшафтная (катенарная) микрозональность для обоснования агроэкологических оценок в проектах адаптивно-ландшафтных систем земледелия.

В ландшафтах с высокой степенью антропогенной трансформации у большинства объектов и территорий историко-культурного наследия отсутствует природное окружение, при том, что Конвенцией ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия (1975 г.) впервые была признана целесообразность формирования охранного режима памятников культуры вместе с их природным окружением. В отношении перспективы сохранения объекта археологического наследия в его ландшафтно-экологическом окружении приходится констатировать, что в настоящее время территория памятника археологии и его охранная зона носят теоретический характер, так как не предусмотрена процедура закрепления границ таких зон на местности [1]. Так как в древности насыпи многих курганов окружали рвы, то минимальная охранная зона определена уже самой конструкцией памятника. Органам охраны объектов культурного наследия можно рекомендовать провести ранжирование всех курганов, выделив группу выдающихся объектов, например, высотой более 3-4 м с сохранившимся растительным покровом зонального облика. Для них должна быть определена охранная зона, зафиксированная на кадастровых картах и закреплённая на местности.

Литература

1. Буринчик, А. С. Особенности охраны и государственной регистрации объектов археологического наследия на территории Белгородской области / А. С. Буринчик, Ф.Н. Лисецкий // Региональные геосистемы. – 2020. – Т. 44. – № 4. – С. 375–387.
2. География Белгородской области : учебное пособие для 8-9 классов общеобразовательной школы : в 2 частях / П. В. Голеусов, Г.Н. Григорьев, А. В. Гусев [и др.]; науч. ред.: А. Н. Петин, Н. В. Чугунова, О. В. Гаврилов. – 3-е изд., испр. и доп. Москва: Изд-во Московского ун-та, 2008. – С. 56. ISBN 978-5-211-05608-4.

3. Дегерменджи, С. М. Опыт применения дистанционного мониторинга в оценке состояния сохранности археологических объектов ДНР / С. М. Дегерменджи, А. И. Пупенко, Н. В. Манько // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2022. – № 3(82). – С. 20–37.
4. Дьяченко, А. Г. Археологические памятники Белгородской области / А. Г. Дьяченко, В. К. Михеев, Ю. Г. Чендев. 1993. Вып. 2. Белгород: Аркона, С. 3–4.
5. Евразийская база данных о курганах поможет сохранить биоразнообразие степей / Т.М. Брагина, Ф.Н. Лисецкий, Ж.А. Буряк [и др.] // Степной бюллетень. – 2019. – № 53. – С. 36–40.
6. Казакова, А. Социальная амнезия как фактор утраты культурного наследия / А. Казакова, О. Калининченко // Самоуправление. – 2016. – № 7-8 (101). – С. 34–39.
7. Лисецкий, Ф. Н. Значение объектов историко-культурного наследия для исследования и охраны степей / Ф. Н. Лисецкий // Степной бюллетень. – 2012. – № 35. – С. 26–32.
8. Мильков, Ф. Н. Физико-географическое районирование центральных черноземных областей / Ф. Н. Мильков (ред.). – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1961. – 264 с.
9. Рябинина, Н. О. Проблемы сохранения объектов историко-культурного наследия степей Юго-Востока русской равнины (в пределах Волгоградской области) / Н. О. Рябинина // Антропогенная трансформация геопространства: природа, хозяйство, общество. – Волгоград: Волгоградский гос. университет, 2019. – С. 324–330.
10. Чендев, Ю. Г. Естественная эволюция почв Центральной лесостепи в голоцене / Ю. Г. Чендев. – Белгород: Изд-во Белгор. гос. ун-та, 2004. – 200 с.
11. Burinchik, A. Database “Monuments of the archaeological heritage of the Belgorod region” / Anna Burinchik, Fedor Lisetskii // Mendeley Data. – 2023. – V1. DOI: 10.17632/psmvnb3fv2.1
12. Deák, B. Eurasian Kurgan Database / Balázs Deák. – 2018 oct. 04. Publication date: 2019 Feb. 19. DOI: 10.18426/obm.3mbbectm2bmg
13. Moysiienko, I. The flora of kurgans in the steppe zone of Southern Ukraine – phytogeographical and ecological aspects / I. Moysiienko, B. Sudnik-Wyjcikowska // Polish Botanical Studies. – 2006. – No 22. – P. 387–398.
14. Poletaev, A. An analysis of the preservation of burial mounds: a case study of the steppe and forest-steppe areas of the Belgorod Region and the Crimean Peninsula using GIS technology / A. Poletaev, A. Bunyaeva, A. Burinchik // Conservation and Management of Archaeological Sites. – 2020. – V. 22. – No 1-2. – P. 52–73.
15. The first dataset of vascular plant species occurrences on kurgans in Southern Ukraine / I. Moysiienko, B. Sudnik-Wójcikowska, I. Dembicz [et al.] // Biodiversity Data Journal. – 2022. – No 10. – e96879. <https://doi.org/10.3897/BDJ.10.e96879>